

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Верный раб

Уральские рассказы

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Верный раб

«Public Domain»

1891

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Верный раб / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain»,
1891 — (Уральские рассказы)

Главные действующие лица, сюжетная канва повести «Верный раб» очень близки к тому, что рассказывал известный уральский историк-краевед Н.К.Чупин о назначенном в 1837 году главным начальнике горных заводов на Урале В.А.Глинке, который, несомненно, явился прообразом генерала Голубко: «Генерал, вышедший из мордобойной школы Аракчеева, непоколебимо верил, что управлять людьми можно только плетью, кнутом и розгами... С этой целью Глинка обычно ездил по городу и заводам не иначе, как окруженный сотней вооруженных казаков, и где бы он ни показывался, там неизменно свистели плети и нагайки. Не удивительно, что на Урале все перед ним трепетали, и окружающие его чиновники, также и люди, имевшие к нему дело, не знали, как к нему подойти и как подступиться»

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1891

© Public Domain, 1891

Содержание

I	5
II	10
III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Верный раб

I

– Михайло Потапыч... а?..

– Ну, чего ты пристал-то, как банный лист?.. Отвяжись...

– Эх, Михайло Потапыч... Родной ты мой, выслушай...

– Какой я тебе Михайло Потапыч дался в сам-то деле! Вот выдешь за ворота и меня же острамишь: взвеличал, мол, Мишку Михайлом Потапычем, а он, дурак, и поверил. Верно я говорю?.. Ведь ты чиновник, Сосунов, а я никто... Все вы меня ненавидите, знаю, и все ко мне же, чуть что приключится: «Выручи, Михайло Потапыч». И выручал... А кого генерал по скулам лушит да киргизской нагайкой дует? Вот то-то и оно-то... Наскрозь я вас всех вижу, потому как моя спина за всех в ответе.

Мишка заврался до того, что даже самому сделалось совестно. Он оглядел своими узкими черными глазами Сосунова с ног до головы и удивился, что теряет напрасно слова с таким человеком. Действительно, Сосунов ничего завидного своей особой не представлял: испитой, худой, сгорбленный, в засаленном длиннополом сюртучишке – одним словом, канцелярская крыса, и больше ничего. Узкая, сдавленная в висках голова Сосунова походила на щучью (в горном правлении его так и называли «щучья голова»), да и сам он смахивал на какую-то очень подозрительную рыбу. Рядом с этим канцелярским убожеством Мишка выглядел богатырем – коренастый, плотный, точно весь выкроен из сыромятной кожи. Мишкина рожа соответствовала как нельзя больше общей архитектуре – скуластая, с широким носом, с узким лбом и какими-то таракаными усами; благодарные клиенты называли Мишку татарской образиной.

– Да я с тобой и разговаривать-то не стану, слова даром терять, – равнодушно заметил Мишка, отвертываясь от Сосунова. – Тоже, повадился человек, незнамо зачем... Вот выдет генерал, так он те пропишет два неполных. Ничего, што чиновник...

– Михайло Потапыч, яви божескую милость: выслушай... В третий раз к тебе прихожу, и все без толку.

– Вот привязался человек... Ну, ин, говори, да только поскорее. Того гляди, генеральша поедет...

– Все скажу, Михайло Потапыч, единым духом скажу... Дельце-то совсем особенное.

– Омманываешь што-нибудь?

– Вот сейчас провалиться. Ты только послушай, что я тебе скажу.

Сосунов осторожно огляделся и подошел к Мишке на цыпочках, точно подкрадывался к нему. Мишка еще раз смерил его с ног до головы и вытянул шею, чтобы слушать. Вся эта сцена происходила в большой передней «генеральского дома», как в Загорье называли казенную квартиру главного горного начальника, генерала Голубко. Передняя рядом окон выходила на широкий двор, чистый и утопанный, как гуменный ток; в открытое окно, в которое врывался свежий утренний воздух, видно было, как в глубине двора, между двух столбов, стояла заложённая в линейку генеральская пара наотлет и тут же две заседланных казачьих лошади. Кучер Архип и два казака оренбургской казачьей сотни сидели под навесом и покуривали коротенькие трубочки. У ворот генеральского дома устроена была гауптвахта с пестрой будкой и такой же пестрой загородкой; на пестром столбике висел медный колокол, которым «делали тревогу», когда генерал выезжал из дому или приезжал домой. Между колоколом и будкой день и ночь шагал часовой с ружьем. В гауптвахте, низеньком каменном здании с толстыми белыми колоннами, дежурил офицер и солдаты специальной горной команды. Вся эта команда

находилась в большой зависимости от Мишки: он подавал знак в окно, когда генерал выходил на верхнюю площадку парадной лестницы с мраморными ступенями. Часовой делал условный знак прикладом ружья, и команда готовилась выскочить с ружьями, чтобы отдать на караул по первому удару колокола. Часовые не спускали обыкновенно глаз с рокового окна.

– Знаешь гадалку Секлетиныю? – шепотом спрашивал Сосунов.

– Ну?..

– Так вот я, значит, и толкнулся к ней как-то после пасхи... У меня причина с столоначальникам из золотого стола вышла.

– С Угрюмовым?

– С ним с самым... Поедом он меня ест и со свету сживает. Того гляди, подведет, а генерал в рудники законопатит да еще на гауптвахте измором сморит.

– Самый зловерный человек этот ваш Угрюмов, а относительно генерала ты правильно...

– Ну, взяло меня горе, такое горе, что и сна и пищи решился... Вот я и пошел к Секлетины. Она в Теребилровке живет... Подхожу я это к ее избенке, гляжу, извозчик стоит. Что же, не ворочаться назад... Я в избу, а там... Может, я ошибся, а только сидит барыня, платочком голову накрыла, чтобы лицо нельзя было разглядеть, а я ее все-таки узнал. Барыня-то ваша генеральша...

– Н-но-о? – изумился Мишка и сейчас же ладонью закрыл Сосунову рот. – Тише ты, аспид...

Дело в том, что в этот момент на верхней площадке лестницы мелькнуло ситцевое платье горничной Мотьки, смертельного врага Мишки. Вот тоже подвернулась когда, проклятая...

– Да ты не огляделся ли? – шепотом допрашивал Мишка.

– Верно тебе говорю: вот сейчас провалиться... И Мотька с ней была, только дожидалась генеральши за углом. Я это потом досмотрел, когда генеральша поехала от Секлетины.

– Гм... да... – мычал Мишка, сразу проникаясь доверием к Сосунову и соображая свои мысли. – Ах ты, дошлый!.. Ведь вот, узорил... а?.. Ну, а дальше-то што?

– Ну, как генеральша ушла, я к Секлетины. По первоначалу она все будто отвертывалась от меня: я к ней, а она спиной. Блаженная она, известно... А у меня уж со страхов коленки подгибаются. Ей-богу... Хуже этого нет, ежели Секлетиныя к кому спиной повернется. Ну, у меня припасен был с собой на всякий случай золотой... Еще от баушки-покойницы достался. Вынул я этот золотой и подаю Секлетины. Она взяла да как засмеется... У меня опять сердце коробом. А она завертелась на одной ноге, машет моим золотым и наговаривает: «Не в золоте твое счастье... Не в золоте! А любишь ты золото, только напрасно любишь». – «А будет счастье?» – спрашиваю. Она опять отвернулась от меня, добыла из-под лавки корыто, взяла ковш с водой, щепочку и давай в корыто воду лить да щепочку по воде пущать... Больше я от нее ничего и добиться не мог.

– Только-то? Напрасно только свой золотой стравил: отдал бы лучше его мне...

– Ах, какой ты, Михайло Потапыч... Слушай дальше-то. Как я после-то раздумался, так все и понял, вот до ниточки все, точно у меня глаза раскрылись... Ей-богу!.. Вот я теперь пятнадцать лет все добиваюсь в золотой стол попасть и не могу – она это и сказала, что мне не след туда попадать. Ты думаешь, я ей зря золотой-то принес? Ну, а щепочки, которые она по воде спускала, обозначают, что ты меня должен на караван определить...

При последних словах у Мишки даже руки опустились от изумления, – и ему сделалось все ясно. Вот так Секлетиныя, да и Сосунов тоже ловок... Как по-писаному, так блаженная и отрезала. От судьбы, видно, не уйдешь. Да и ловок Сосунов, нечего оказывать... Тоже словечко завернул: определи на караван. Легкое место оказать. Ну, а если Секлетиныя сказала, так и на караване будет. Мишка слепо верил в судьбу.

– Ну, чего же ты молчишь? – спрашивал Сосунов. – Я тебе все сказал, как на духу... О благодарности будь без сумленья.

– Ладно, ладно... Все на счастливого.

Мишка только хотел оказать что-то, как под окном мелькнула стриженная раскольничьей скобой голова в синем картузе, и Мишка указал Сосунову на маленькую дверку под лестницей, где жил сам. Сосунов едва успел затвориться, как в переднюю вошел степенный мужик в длиннополом сюртуке и смазных сапогах.

– Михайлу Потапычу... – развязно проговорил он, протягивая руку. – Весело ли попрыгиваешь?

– Не очень-то у нас напрыгаешься, Савелий, – уклончиво отвечал Мишка. – За вами где же угнаться...

Савелий красивыми темными глазами оглядел переднюю, мельком вскинул наверх и, разгладив окладистую русую бородку, проговорил:

– Тарас Ермилыч прислал узнать, как здоровье его превосходительства, и приказал кланяться...

– Обнакновенно, как завсегда. Сейчас генерал занят, и пустяками нельзя тревожить... Ужо скажу, когда можно будет... Ну, а как у вас: все дым коромыслом?

– Ох, и не спрашивай, Михайло Потапыч... Совсем даже ума решились: сильно закурил Тарас-то Ермилыч, а тут еще Ардальон Павлыч навязался...

– Это тот, што в карты играет? Откуда он у вас взялся?

– А неизвестно... На свадьбе, как Поликарп Тарасыч женились, он и объявил себя. Точно из-под земли вынырнул... А теперь обошел всех, точно клад какой. Тарас Ермилыч просто жить без него не может. И ловок только Ардальон Павлыч: медведь у нас в саду в яме сидит, так он к нему за бутылку шампанского прямо в яму спустился. Удалий мужик, нечего сказать: все на отличку сделает. А пить так впереди всех... Все лоском лежат, а он и не пошатнется. У нас его все даже весьма уважают...

– Который месяц теперь пошел, как свадьба-то ваша продолжается?

– Да уж близко полгода, Михайло Потапыч... Ох, горе душам нашим! Што только и будет: ума не приложить... Уж которые есть опасливые, так подобру-поздорову из города уезжают, потому как прямой зарез от нашей свадьбы.

Оглянувшись, Савелий на ухо шепнул Мишке:

– Ночесь¹ один енисейский купец, Тураханов по фамилии, с вина сгорел...

– Н-но-о?

– Верное слово... Он и на свадьбу-то попал зря, проездом завернул, – дела у него по промыслам с Тарасом Ермилычем были. Ну, и попал в самый развал, да месяца два без ума и чертил... Што уж теперь будет – и ума не приложим. Тарас-то Ермилыч в моленной заперся, а меня подослал сюда... Уж какая резолюция выдет нам от генерала – один бог весть.

Савелий с изысканной ловкостью, прикрыв руку картузом, сунул Мишке скомканную ассигнацию, – нужный человек Мишка, чтобы генерала подготовить к известию о случившемся казусе. Мишка с неменьшей ловкостью спрятал посул куда-то в рукав.

– Уж ты, тово, Михайло Потапыч... Сослужи службу, а Тарас Ермилыч не забудет – так и наказывал сказать тебе.

– Да уж я для Тараса Ермилыча в ниточку вытянусь...

Конца фразы Мишка не успел договорить, потому что по лестнице сверху летела горничная Мотья с такой быстротой, точно ее оттуда сбросили, – она бежала на подъезд крикнуть кучеру, чтобы подавал лошадей генеральше. Мишка моментально вытянулся в струнку и окосил глаза на лестницу, по которой уж спускалась генеральша, молодая, пухлая дама, в сирене-

¹ Ночесь – ночью. (Прим. Д.Н.Мамина-Сибиряка.)

вом шелковом платье. Савелий почтительно отошел в сторонку и наклонил голову, как делают благочестивые люди в церкви. Мотья успела вернуться и помогала генеральше спускаться по лестнице, поддерживая ее за руку. «Стрела, а не девка», – подумал Савелий, большой охотник до проворных и ловких девок. Генеральша спускалась с недовольным лицом, застегивая модную лайковую перчатку цвета *beurre frais*.² Поровнявшись с Мишкой, она подняла на него свои темные блестящие глазки и певуче проговорила:

- А ты не слышал, как я звонила?
- Никак нет-с, ваше превосходительство...
- Нет?..

В передней звонко раздались две ловких пощечины. Мишка не шевельнулся, а только замигал усиленно левым глазом. Это еще больше разозлило генеральшу, и она ударила кулаком Мишку прямо в зубы, так что у того «счакали» челюсти. Мотья искоса глядела на Савелия, улыбаясь одними глазами.

– Только перчатки из-за тебя, подлеца, испортила!.. – кричала генеральша, входя в азарт. – Мотья, новые перчатки...

Пока Мотья летала наверх за перчатками, взволнованная генеральша ходила по передней мимо стоявшего неподвижно Мишки и каждый раз давала ему по пощечине. Савелия она не хотела замечать. Наконец, она устала, села на стул к окну и закрыла глаза, чтобы не видеть ненавистного человека. Ей было лет двадцать пять, но благодаря полноте она казалась старше. Круглое, белое, бескровное лицо не отличалось красотой, но, когда генеральша улыбалась, оно точно светлело и делалось очень симпатичным. Пока Мотья натягивала новые перчатки, генеральша не открывала глаз и даже склонила голову на один бок, как женщина, огорченная до глубины души. Мишка стоял все время не шевельнувшись и свободно вздохнул только тогда, когда генеральша вышла на крыльцо.

– Ну, и язва сибирская твоя генеральша, – с участливым вздохом проговорил Савелий.

– Ох, и не говори! – ответил Мишка, кулаком вытирая окровавленные губы. – Изводит она меня насмерть... Поедом съела. Тссс...

Мишка забыл, что Мотья осталась на крыльце и подслушивала их разговор. Но теперь было уже поздно... Мотья прошла по передней с таким видом, что у Мишки сердце повело коробом.

– Удалая девка, – проговорил Савелий, когда Мотья начала подниматься вверх по лестнице. – Вот бы мне такую: в самый раз...

Мотья остановилась, свесилась через перила и с особенным задором проговорила:

– Ступай к своим кержанкам, да и заигрывай... Кержак немаканный!..

– Да ведь ваша-то девичья вера везде одинакова, Мотя, – ласково ответил Савелий, блестя красивыми глазами. – Што кержанка, што православная...

– Ах, бесстыжие твои глаза!.. – вскрикнула Мотья, покраснела и, плюнув, вихрем унеслась вверх.

– Бес, а не девка... – как-то промурлыкал Савелий, сладко закрывая глаза. – Ох, грех с ними один! Прощенья просим, Михайло Потапыч...

Мишка простился с ласковым кержаком молча, – очень уж разогорчила его генеральша. Зачем при людях-то при посторонних срамить? Ежели нравится, – ну, бей с глазу на глаз, а тут чужой человек стоит и смотрит, как генеральша полирует Мишку со щеки на щеку. Чужой человек в дому, как колокол...

Сосунов оставался в засаде и не смелдохнуть. Ведь нанесла же нелегкая эту генеральшу, точно на грех, а теперь Михайло Потапыч рвет и мечет. Подойди-ка к нему... Ах, что наде-

² сливочного масла (франц.).

лала генеральша! Огорченный раб Мишка забыл о спрятанном Сосунове и, когда тот решился легонько кашлянуть, обругался по-мужицки.

– Ах ты, крапивное семя!.. Убирайся вон... ко всем чертям.

– Михайло Потапыч...

В пылу гнева Мишка даже замахнулся на Сосунова, но потом вдруг припомнил что-то и спросил:

– Так генеральша была у Секлетины?

– Своими глазами видел, Михайло Потапыч...

– Можешь при случае утвердить вполне?

– Могу.

– Ну, так попомни это, да пока, до поры до время, никому об этом не говори. Понял теперь?

II

Верный раб Мишка в Загорье являлся страшной силой, потому что старый генерал Голубко имел к нему какое-то болезненное пристрастие. Под сердитую руку генерал лупил Мишку нагайкой из собственных рук, но это не мешало Мишке управлять генералом до некоторой степени. Все это знали, все этим пользовались, и всем это обходилось не дешево: Мишка даром ничего не любил делать, потому что «и чирей даром не вскочит», а «без снасти и клопа не убьешь». Главное, Мишка изучил своего генерала в тонкости и знал, когда к генералу можно идти и с чем – старик был ндравный и шутить не любил. Бывали случаи, когда неблагодарные люди хотели обойтись без Мишки и дорого платились за это.

Самое появление Мишки в передней генеральского дома было обставлено легендарными подробностями. Грозный генерал Голубко был послан на Урал с чрезвычайными полномочиями, далеко превышавшими губернаторскую власть. Нужно было подтянуть казенные горные заводы, золотые промыслы, частных заводчиков и вообще все крайне сложное горное дело. Старый николаевский генерал сразу поставил себя на настоящую точку, и одно его имя производило панику. В его руках сосредоточивалась не только гражданская, но и военная власть, а также судебная, по преступлениям горнозаводского населения. Самый город сразу изменил свой внешний вид, хотя главным двигателем здесь и являлась казацкая нагайка, уничтожавшая в корне обывательскую лень. В Загорье были устроены обширные казенные фабрики для выделки оружия и разной заводской снасти. Здесь все было поставлено на солдатскую ногу, и когда генерал Голубко еще только подходил к фабрикам, там уже было слышно, как муха пролетит. Порядок во всем был слабостью грозного генерала, а до остального он мало касался, предоставляя все горным инженерам, состоявшим тогда на военном положении. Когда генерал проходил по фабрикам, все рабочие выстраивались во фронт и отдавали начальству честь по-солдатски. Горе тому, у кого недоставало пуговицы или носки врозь, – сейчас же следовало и возмездие. Чтобы не было попущений и послаблений, генерал сам наблюдал о точности исполнения предписанных наказаний. Наказывали тут же, на фабричном дворе, а розги заготавливались возами. Вот именно здесь и проявился знаменитый Мишка, вынырнувший из безличной рабочей массы благодаря счастливой случайности. Он работал на казенной фабрике, как все другие, и за какую-то провинность должен был получить пятьдесят розог. После экзекуции, производившейся под личным наблюдением генерала, Мишка выкинул невиданную штуку. Он смело подошел к генералу и заявил:

– Ваше превосходительство, не велите казнить, велите выслушать...

– Ну, что тебе?

– Закон требует порядка, ваше превосходительство... Обозначено было мне пятьдесят лозанов, а дадено всего сорок семь. Сам считал. Прикажете доложить...

В первую минуту генерал даже не нашелся, что отвечать, а его свита только переглядывалась – выискался невиданный зверь. Все были озадачены. Мишка воспользовался общим замешательством и занял место на деревянной кобыле, на которой производилось наказание. Получив три недостававшие розги, он поблагодарил генерала и как ни в чем не бывало отправился на работу в свой корпус. Этот случай поразил строгого генерала. Возвратившись домой, старик долго хохотал и все повторял фразу Мишки: «Закон требует порядка». И утром на другой день генерал проснулся с этой же фразой и не мог успокоиться до тех пор, пока Мишка не был приведен в генеральский дом.

– Закон требует порядка? – спрашивал генерал.

– Точно так-с, ваше превосходительство! – по-солдатски отвечал Мишка, не сморгнув глазом.

– Дополучал три лозана? Ха-ха-ха...

Генерал Голубко был настоящий генерал, какие были только при императоре Николае, – высокий, плечистый, представительный, грозный, справедливый, вспыльчивый, по-солдатски грубый и по-солдатски простой. По наружности генерал мог считаться молодцом, несмотря на свои шестьдесят лет и совершенно седые волосы. Лицо было свежее и румяное, а грозные серые глаза глядели еще совсем по-молодому. И веселился грозный генерал всегда так искренне и радостно, что вместе с ним не смеялись только стены. Так раб Мишка и остался в генеральском доме, потому что генерал почувствовал к нему какое-то болезненное пристрастие. Определенной должности у него не было, а смотря по надобности Мишка исполнял все, что можно было требовать от верного раба. Генерал не мог жить без него и возил его с собой по всему Уралу, когда объезжал горные заводы. Недавний мастеровой преобразился в казака, – при генерале все было форменно, подтянуто в струнку и ходило козырем. Мишка быстро выучился казачьей муштре и вместе с ней усвоил казачью вороватость.

Пять лет верный раб Мишка благоденствовал вполне, как никто другой. Загорье в эти именно года прогремело открытым в Сибири золотом, и деньги лились рекой. Во главе золотопромышленников стояли Тарас Ермилыч Злобин, а потом старик Мирон Никитич Ожигов. Открытое ими в Сибири золото дало миллионы. За первыми предпринимателями потянулись другие и тоже получили свою долю, как Тихоновы, Сердюковы и Щеголевы. Около этих счастливых толклись бедные родственники, разные предприниматели и просто прихлебатели и прохвосты. Золото – всемогущая сила, притягивающая к себе неудержимо все – и добро и зло, больше всего последнее. Вот в это горячее время, когда всех охватила золотая лихорадка, верный раб Мишка и благоденствовал, потому что от него зависело, примет генерал или не примет такого-то, а затем – осчастливит он своим посещением или пренебрежет. Генерал был страшной силой, и Мишка эксплуатировал ее в свою пользу. Как это случается, сам генерал был искренне-честный человек и никаких взяток не брал, но зато брали около него все остальные, как не могли бы брать при начальнике-взяточнике. Грозный генерал не мог допустить даже мысли, что его подчиненные смели воровать у него под носом и обирать других. Помилуйте, он ли не грозен, – все трепетало от одного его взгляда. Верный раб Мишка брал больше всех, брал решительно все, что ему давали, что он мог взять и что вымогал разными неправдами. В нем развился какой-то пьяный азарт к взяточничеству: недавний бедняк, существовавший казенным пайком, теперь превратился в ненасытного волка. С своим новым положением Мишка освоился с необыкновенной быстротой и сейчас же пустил в оборот все приемы, ходы и выходы закоренелого взяточника, хотя и не мог достичь изумительной ловкости таких артистов, как столоначальник «золотого стола» в горном правлении Угрюмов и консисторский протопоп Мелетий. Мишка мог только завидовать им, как чему-то недостижимому, и его грызло сознание собственного несовершенства, особенно когда являлась предательская мысль, что он мог взять там-то и там-то или пропустил такой-то случай. Эти черные мысли заставляли Мишку просыпаться даже по ночам, и он вслух говорил себе:

– Эх, и дурак же ты, Мишка! Прямо сказать: балда деревянная... Разве протопоп Мелетий али Угрюмов сделали бы так? Да они бы кожу с самого генерала сняли... А теперь те над тобой же, дураком, смеются: «Эх, дурак Мишка, не умел взять!»

У Мишки развивалась мания взяточничества, и он по ночам, во время охватывавшей его бессонницы, по пальцам высчитывал все случаи, когда он мог взять и не взял, а также соображал те суммы, какие у него теперь лежали бы голенькими денежками в кармане. Им овладевало настоящее бешенство, и Мишка готов был плакать, потому что у него перед глазами стояли такие непогрешимые и недостижимые идеалы, как протопоп Мелетий и столоначальник Угрюмов.

Несмотря на эти муки неудовлетворенного и ненасытного взяточничества, верный раб Мишка благоденствовал и процветал до тех пор, пока его генерал не женился. Случилось это как-то вдруг, и Мишка считал себя прямым виновником быстрой генеральской женитьбы.

Дело было зимой, на святках. Генерал после обеда отправился кататься. Сопровождавший его Мишка стоял по обыкновению на запятках саней. Когда они ехали по набережной пруда, Мишка, потрафляя хорошему послеобеденному настроению владыки, сказал:

– Вон катушки налажены, ваше превосходительство.

– Ну, что же из этого?

– А любопытно поглядеть, ваше превосходительство, как публика катается с гор. Попадают такие девицы мещанского звания, што глаза оставить можно...

– Не пугай, дурак!

Генерал приказал кучеру повернуть на пруд, и генеральские сани через пять минут остановились у ближайшей горы. День был праздничный, и народ толпился кучей. Появление генерала сначала заставило толпу притихнуть, но он через казака отдал приказ веселиться. С горы полетели одни сани за другими, а генерал смотрел снизу и улыбался, как веселится молодежь. Катались не одни девицы мещанского звания, а и настоящая публика, – других общественных развлечений в Загорье тогда не полагалось. Один эпизод рассмешил генерала до слез. На одних санях впереди сидела молоденькая краснощекая девушка. Когда сани полетели с горы, у нее вырвался из рук подол платья, а ветром его подняло ей на голову. Мимо генерала вихрем пронеслось сконфуженное девичье лицо и соблазнительно открытые девичьи ноги.

– Чья эта... ну, полненькая? – задумчиво спрашивал генерал у Мишки, когда они вернулись с прогулки домой. – Из мещанского звания?

– Никак нет-с, ваше превосходительство: дочь гиттенфервальтера³ Тиунова, Енафа Аркадьевна. Девица, можно сказать, вполне-с...

– Дурак, разве ты можешь что-нибудь понимать в таком деле?..

Сконфуженное девичье лицо снилось генералу целую ночь, и он, проснувшись утром на другой день, сказал опять: «У, какая полненькая!»

Через две недели была свадьба, и дочь гиттенфервальтера Тиунова сделалась генеральшей Голубко. В приданое с собой она вывезла только одну крепостную девку Мотьку. Эта перемена в домашней обстановке генерала озадачила верного раба Мишку с первого раза, и он решительно не знал, как ему теперь быть. Молодая генеральша оказалась с ноготком и быстро забрала грозного генерала в свои пухлые белые ручки и почему-то с первого же взгляда кровно возненавидела верного раба Мишку, старавшегося выслужиться перед ней. Где крылись истинные причины этой ненависти, едва ли объяснила бы и сама генеральша, но верно было то, что она не могла выносить присутствия Мишки.

– Куда хочешь, папочка, а только убери этого дурака, – просила полненькая генеральша улыбавшегося счастьем грозного генерала. – Как увижу его, так целый день у меня испорчен...

– Зачем же обижать человека, который не сделал ничего дурного? – пробовал генерал защищать своего верного раба. – Я так привык к нему... Он знает все, все мои привычки, и никто так не умеет угодить мне.

– Даже я?

– Гм... да... то есть я хотел сказать...

– Не нужно! Ничего не нужно... Я думала, что ты меня любишь... я никогда еще ни о чем не просила тебя, папочка...

Дальше следовали первые слезы и необходимые утешения, а потом вышел генеральский приказ: Мишка низвергался в переднюю, и доступ наверх ему закрылся навсегда. Это было нечто ошеломляющее, и верный раб Мишка почувствовал себя в положении павшего ангела. Когда генерал проходил через переднюю, то старался не смотреть на Мишку, потому что чувствовал себя виноватым. Репутация верного раба Мишки сразу пошатнулась, и он имел тысячу случаев, убеждавших его в черной неблагодарности недавних доброхотов и вообще клиентов.

³ Название одного из горных чинов. (Прим. Д.Н.Мамина-Сибиряка.)

К Мишке теперь обращались только по старой памяти или по ошибке. Все это сосало и грызло рабье сердце без конца, и Мишка страдал день и ночь. Но этим дело не кончилось. Генеральша не забывала низверженного в прах верного раба и с женской последовательностью донимала его всевозможными каверзами. Не раз генерал призывал верного раба к себе в кабинет, затворял дверь и грозно кричал:

– Да как ты смеешь, подлец, грубить генеральше? Да я тебя в порошок изотру... я... я...

Дальше следовала молчаливая лупцовка, причем Мишка не издавал ни одного звука, точно генерал колотил нагайкой деревянного чурбана. Верный раб даже не оправдывался, а принимал все эти истязания молча, как заслуженную кару за неизвестные преступления.

Но и этого мало. Вместе с влиянием на генерала полненькая генеральша постаралась заполучить и все доходные статьи, из сего законным образом проистекавшие, именно то, чем безраздельно пользовался раньше один Мишка. Эти дела генеральша устроила с замечательной ловкостью, и «благодарность» разных добрых людей лилась на нее или через посредство горничной Мотьки, или через папашу гиттенфервальтера. Конечно, генеральша знала отлично все «тайности» Мишкиного взяточничества, но не выдала его генералу даже намеком, – в нем она щадила не только самое себя, но все горное ведомство, жившее такими посулами и благодарностью.

Верный раб Мишка стоял в своей передней и терпел все, что ни делала над ним генеральша, а это еще сильнее бесило расхोлившиеся генеральские ручки. Но, несмотря на все эти злключения, верный раб смутно верил в свою счастливую звезду и все думал, как бы ему извести выматывавшую из него душу генеральшу. И день думает Мишка и ночь думает все об одном и том же, и ничего придумать не может, точно на пень наехал. Изморит его генеральша вконец. Раз, в минуту отчаяния, у Мишки явилась роковая мысль: взять веревку да и повеситься у генеральши в спальне, где люстра висит. Пусть ее казнится...

Последняя неприятность от генеральши, невольными свидетелями которой были Савелий и Сосунов, произвела на Мишку удручающее впечатление настолько, что о сообщении Сосунова, как генеральша с Мотькой ездили к гадалке Секлетины, он вспомнил только через день. Зачем было ей шляться к ворожее? Генерал в ней души не чает, дом – полная чаша, сама толстеет по часам. Что-нибудь да дело неспроста.

– Эх, достигнуть бы генеральшу, кажется, такую бы свечу преподобному Трифону закатил! – мечтал Мишка, раздумывая свое горе. – Утесненным от начальства преподобный Трифон весьма способствует... А то не толкнуться ли к Секлетины? Может, она и научит... От этих баб добра и зла не оберешься.

Пока Мишка размышлял, Сосунов опять завернул наведаться, как и что.

– Да ты с ума спятил? – накинулся на него обозленный Мишка. – Разве такие дела зря делаются: надо выждать. Не прежняя пора, когда я состоял при генерале ежечасно...

– Дело-то верное, Михайло Потапыч, – настаивал Сосунов. – Уж ежели кому Секлетины скажет что, так тому и быть. Щепочки-то она пуцала по воде неспроста... А уж я тебя не забуду, Михайло Потапыч, только бы мне от Угрюмова избавиться. Уж подумывал в консисторию секретарем поступить к протопопу Мелетию, да жалованья у них двадцать семь рублей на ассигнации в год...

Уходя, Сосунов сообщил очень важное известие, именно, что генерал, по всей видимости, собирается в объезд по заводам и, по всей вероятности, его с собой возьмет. В горном правлении уж пронюхали об этом, да и Злобин подсылал тогда Савелия неспроста: эти кержаки знают все и раньше всех. Еще генерал и не подумал, а они уж знают, когда он поедет.

– А што бы ты думал: ведь правильно, – удивлялся Мишка, – вышибла меня генеральша из ума, а то и сам бы догадался.

– Может, и на караван посмотреть поедет, ну, так ты не зевай.

– Ладно, ладно... Ускорился тоже. К часу надо слово молвить...

– Да уж тебя не учить. А кержаки наперед нас все учуяли...

III

Небольшой горный городок Загорье в сороковых годах испытывал лихорадочное оживление благодаря приливу бешеных денег. Составляя горнозаводский центр, Загорье был поставлен на военную ногу, потому что тогда все казенное горное дело велось военной рукой. Военная закладка чувствовалась в распланировке самых улиц, правильных и широких, в типе построек и больше всего, конечно, в характере самого населения. Заводский мастеровой и промысловый рабочий являлись разновидностью николаевского солдата – та же выслуга в тридцать пять лет, та же муштра, те же розги и шпицрутены. Генерал Голубко окончательно подтянул город, и он выглядел чистенькой военной колонией. Центр занимали казенные фабрики. Река Порожня была поднята высокой плотиной и делила город на две части: правая – низменная, левая – гористая. На правой стороне из других зданий выделялся своей белой каменной массой «генеральский дом», а на левой – вершину холмистого берега заняли только что отстроенные палаты новых богачей, во главе которых стоял золотопромышленник старик Тарас Ермилыч Злобин. В течение каких-нибудь пяти лет они из тысячных промышленников превратились в миллионеров и развернулись во всю ширь русской натуры. Наш рассказ застаёт их в самый критический момент, именно, когда эти миллионы породнились: старик Ожигов выдал свою последнюю дочь Авдотью Мироновну за единственного сына Злобина, Поликарпа Тарасыча.

Старик Ожигов, несмотря на свое богатство, жил прижимисто, по-старинному. Но зато в злобинском доме стояло «разливанное море». Самый дом занимал вершину главного холма, и с верхней его террасы открывался великолепный вид на весь город, на сосновый бор, охвативший его живым кольцом, и на прятавшиеся в этом лесу заимки. Злобин не жалел денег, когда строил свой дворец. В нем было все – и флигеля, и оранжереи, и громадный сад, и большая раскольниковья молельная, и потаенные каморки с потаенными в них ходами. На улицу дом выходил великолепным фронтоном, с колоннами, балконами и лепными карнизами; ворота представляли собой настоящую триумфальную арку. На мощеном широком дворе всегда стояло несколько экипажей. Старик Тарас Ермилыч занимал парадный верх, а новожен Поликарп жил в нижнем этаже. Кругом всего двора сплошной стеной шли домашние пристройки – людские, конюшни, флигеля. В общем, злобинский дом представлял собой целый городок, битком набитый всевозможным людом – тут жили и бедные родственники, и служащие, и разные богомольные старушки, и просто гости, как Смагин. В злобинском доме угощались званый и незваный вот уже больше полугода, потому что празднование свадьбы затянулось на неопределенное время.

К обеду в злобинский дом наезжали гости со всех сторон – своя братия купцы, горные чиновники, разные нужные люди и престо гости. Обед был ранний, ровно в час. Длинная столовая помещалась в верхнем этаже и выходила окнами на широкую садовую террасу. Из-за стола гости переходили летом прямо сюда, пили здесь чай, а вечером устраивались внизу, у Поликарпа Тарасыча, где шла горячая картежная игра. Сам старик Злобин не играл, но в Смагине он души не чаял и даже перевел его жить в тот же дом – в антресолях была прелестная комнатка с балконом. Табачник и волтерьянец, как называл Смагина консисторский протопоп Мелетий, поселился в этом раскольниковьем гнезде своим человеком.

Подручный Савелий в тот день, когда был у Мишки, так и не мог урвать свободной минуты, чтобы переговорить с самим Тарасом Ермилычем. Помешали гости, да и Тарас Ермилыч немножко лишнее выпил, а тогда к нему приступу нет, хоть камни с неба вались. Неукротимый был человек, когда развеселится. Пришлось выжидать следующего утра, когда Тарас Ермилыч выйдут из молельной. Это было лучшее время для всяких объяснений. Молельных в злобинском доме было несколько: одна большая, в особом корпусе, а затем так называемая «стариковская» и еще несколько маленьких. У Тараса Ермилыча была своя собственная, рядом

со спальней. Савелий имел доступ к «самому» во всякое время без доклада, а поэтому и прошел через парадную залу и гостиную прямо в спальню. В приотворенную дверь моленной он видел, как старик прилеплял к образу восковую свечу, а потом стал «класть уставной начал» с лестовкой и подручником, как подобает по древлему благочестию. Высокая и плотная фигура «самого» только установилась в молитвенную позу, как прилепленная к образу свеча свалилась. Тарас Ермилыч сделал нетерпеливое движение, но удержался и со смирением прилепил свечу во второй раз. Не успел он сделать уставных трех поклонов, как свеча снова упала. Это рассердило старика, но он еще раз прилепил свечу к образу. Но когда она упала в третий раз, он вскочил на ноги, схватил свечу и бросил ее о пол, а сам выбежал из моленной, весь красный от охватившего его бешенства. Увидев Савелия, Тарас Ермилыч плюнул и обругался по неизвестному адресу.

– Ты тут чего торчишь, оглашенный? – накинулся он на Савелия.

– Я, Тарас Ермилыч...

– Вижу, что ты... ну?

Савелий по привычке опустил глаза и своим ровным тенориком стал, не торопясь, рассказывать о своем вчерашнем переговоре с Мишкой. Тарас Ермилыч сразу успокоился. Это был высокий статный старик с большой красивой головой. Широкое русское лицо глядело большими серыми глазами, сердитыми и ласковыми в одно и то же время; окладистая темная борода, охваченная первым инеем благообразной старости, придавала этому лицу такой патриархальный вид. Волосы на голове совсем поседели, но лежали молодыми кудрями. Простая ситцевая рубашка-косоворотка, перехваченная шелковым пояском, заправленные в сапоги тиковые штаны и длиннополый, раскольничьего покроя кафтан составляли весь домашний костюм миллионера. Прислушиваясь к рассказу Савелия, Тарас Ермилыч несколько раз хмурил брови и покачивал головой, а когда рассказ дошел до рукоприкладства генералыши, он засмеялся.

– Этакая изъедуга-баба, – проговорил старик. – Из щеки в щеку так и нажаривает? Ловко... А он только мигает, Мишка-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.